

## Глава 21. Накануне отъезда

Время шло незаметно. Пролетело полгода, и Ань Цзыянь почти полностью восстановил силы — теперь, если беречься и избегать сквозняков, о прежних недугах можно было не беспокоиться. Обычная простуда или легкое недомогание больше не грозили возвращением прежней тяжелой болезни.

Накануне отъезда Чоу Хуайшэн приготовил множество изысканных блюд и пригласил Истинного владыку Сюаньцина разделить с ними прощальный обед.

— Вы двое — мои спасители. Позвольте мне вместо вина поднести вам этот чай в знак глубочайшей признательности, владыка, брат Хуайшэн! — с этими словами Ань Цзыянь осушил свою пиалу до дна.

Владыка Сюаньцин и Чоу Хуайшэн в ответ осушили свои кубки с легким монастырским вином.

— Благодарю вас за заботу, которой вы окружали меня все эти полтора года, — искренне продолжил юноша. — Вы подарили мне вторую жизнь. Только благодаря вашей доброте я все еще дышу. Если когда-нибудь вам обоим понадобится помощь, двери поместья принца-регента всегда открыты для вас. Что бы ни случилось, если мы с отцом в силах помочь — наш дом сделает все возможное.

Разумеется, Цзыянь понимал, что Истинному владыке Сюаньцину вряд ли когда-либо понадобятся мирские связи. Старик обладал столь великим могуществом, что казался способным обращать камни в золото. А вот Чоу Хуайшэна он действительно всем сердцем желал увидеть у себя в гостях.

— К чему эти формальности, Ваше Высочество? — мягко отозвался Истинный владыка Сюаньцин. — Все в этом мире решает судьба. Не будь у нас предначертанной связи, я прошел бы мимо, даже столкнувшись с вами на узкой тропе. Но коли суждено было сойтись путям, я отыскал бы вас хоть на краю света.

От этих слов Цзыянь на мгновение растерялся. Похоже, причудами отличались не только столичные вельможи, но и умудренные опытом, почитаемые даосы.

— Пусть даже это судьба, но ведь именно ваше милосердие спасло меня. За каплю доброты положено платить бурным источником благодарности.

— Коль так, боюсь, в будущем мне и впрямь придется обратиться к Вашему Высочеству с одной просьбой, — загадочно проговорил владыка Сюаньцин. Он смотрел так, словно знал грядущее, будто он читал невидимую книгу судеб. — И этот узел сможете развязать только вы.

— В таком случае, владыка, стоит вам только заговорить, и я исполню все, что в моих силах!

Услышав это, старик удовлетворенно кивнул.

— Вернешься в поместье — береги себя, — подал голос Чоу Хуайшэн. — Ты говорил, что мечтаешь повидать мир. Если все же решишься на путешествие, обязательно возьми с собой надежную охрану. За стенами дворца жизнь совсем иная, лихачей и негодяев хватает, держись от таких подальше. Но лучше бы тебе пока никуда не ездить. Ты только-только поправился, тело еще слабое, долгая дорога может подорвать здоровье.

Хуайшэн знал, как сильно Цзыянь грезил о странствиях, но не мог не тревожиться. Болезнь отступила, однако в пути может случиться всякое.

— Я и сам об этом думал, — вздохнул Ань Цзыянь, и в его голосе проскользнула отчетливая грусть. Мечта о дальних краях угасала неохотно. — Отец с папой меня все равно никуда не отпустят. Так что лучше останусь дома. Ты прав, брат Хуайшэн: случись что в дороге, я только заставлю их снова проливать слезы.

Он понимал, что после тяжелого недуга пускаться в странствия безрассудно — сначала нужно как следует окрепнуть. К тому же после полутора лет разлуки, умирая от тоски по дому, он больше всего желал просто побыть рядом с близкими. Если бы не молчаливая забота и теплота Хуайшэна, эти бесконечные месяцы на чужбине показались бы ему сущим адом. То, что он выжил и теперь возвращается здоровым, было целиком и полностью заслугой его названного брата.

— Ваше Высочество, помнится, ваш отец очень полюбил наш чай из лепестков пиона, — старый даос поднялся со своего места. — На днях мой ученик собрал свежий урожай, непременно возьмите его завтра с собой. Не буду вам мешать, знаю, что вам нужно поговорить напоследок. Хуайшэн, зайди ко мне сегодня ночью, в начале первого. У меня есть к тебе разговор. Приятной трапезы, а я вас покину.

С этими словами Истинный владыка Сюаньцин покинул Павильон Хранящий Облака.

В павильоне воцарилась тишина. Ань Цзыянь и Чоу Хуайшэн сидели друг напротив друга, избегая встречаться взглядами. Цзыяню хотелось сказать так много, выразить все, что копилось в душе долгие месяцы, но слова застревали в горле. Он лишь молча опустил голову и принялся неторопливо есть приготовленные для него блюда.

— Как вернешься, не забывай о здоровье, — мягко прервал молчание Хуайшэн. — Вещи я уже собрал. Завтра провожу тебя до подножия горы, карета из поместья должна прибыть как раз к полудню. Все наставления лекарей я записал на листке и вложил в твой дорожный сундук. Там же лежат целебные пилюли, укрепляющие тело, — дозировку и время приема я тоже подробно расписал...

— Брат Хуайшэн, ты тоже береги себя, — тихо произнес Цзыянь. — Если выдастся минутка, навестить матушку. Наша жизнь слишком мимолетна. Я заглянул в бездну смерти и теперь знаю наверняка: нужно ценить каждое мгновение и делать то, что велит сердце, пока мы еще

дышим. Иначе на пороге могилы останутся лишь горькие сожаления.

Юноша знал, как сильно Хуайшэн тоскует по родному дому, и понимал, что некие тайные обязательства удерживают его здесь. Цзыянь до сих пор помнил, как в ночь Праздника середины осени его названный брат часами стоял под холодным сиянием полной луны, не смыкая глаз до самого рассвета.

Хуайшэн промолчал. Слова Цзыяня попали в самую цель. Разве он сам не мечтал вернуться? Он все понимал. Проведя несколько дней в столичном поместье принца, он воочию увидел, как прекрасна может быть простая мирная жизнь. И все же ему нужно было набраться терпения. Совсем скоро он сможет обнять матушку. Нужно лишь немного подождать, перетерпеть этот последний рубеж.

— Я понимаю, тебя удерживает некий долг, — видя его молчание, мягко продолжил Цзыянь. — Но некоторые дела могут подождать. А вот упущенное время уже никогда не вернуть.

— Хорошо, — наконец сдался Хуайшэн, задумчиво глядя куда-то вдаль, словно сквозь стены павильона. Никто не мог угадать, какие мысли сейчас вихрились в его голове. — Как только ты уедешь, я тоже ненадолго отправлюсь домой. Отложу дела, как ты и советовал.

Цзыянь облегченно и тепло улыбнулся.

— Ладно, ешь побольше, — Хуайшэн привычным заботливым жестом положил в пиалу юноши лучший кусочек. — В своем поместье ты таких простых блюд точно не попробуешь.

Но от этих слов Ань Цзыяню вновь сделалось невыразимо грустно. В груди защемило. Он ведь обещал себе, что сегодня будет только улыбаться, что они проведут этот прощальный обед в радости, но справиться с чувствами было выше его сил. Полтора года назад, покидая родной дом ради спасения на этой далекой горе, он испытывал точно такую же тоску. Пожалуй, страшнее всего в человеческой жизни — это разлука с теми, кто стал тебе дорог.

— Ну полно, не грусти, — мягко укорил его Хуайшэн. — Возвращение домой — это радость. Твоя семья истосковалась по тебе, да и ты бредил ими каждую ночь. Представь, как они обрадуются через полмесяца, когда увидят тебя живым, здоровым и окрепшим. Даю тебе слово: как только я спущусь с горы, сразу же навещу тебя в столице.

Цзыянь согласно кивнул, но слезы удержать не сумел — они крупными каплями покатались по щекам. Хуайшэн со вздохом достал чистый платок и принялся бережно вытирать его лицо, но от этой нежности слезы хлынули с еще большей силой.

Юноша понимал: возможно, он в последний раз греется в лучах этой тихой заботы. Мир огромен, и пути их вряд ли пересекутся вновь. Обещание Хуайшэна казалось лишь сладким утешением — ведь у того впереди великие дела и опасные свершения, откуда взяться времени на праздные визиты в столицу? И все же от этих пустых, казалось бы, слов на сердце

становилось на удивление тепло и спокойно.

— Мне не нужно многого... — сквозь слезы прошептал Цзыянь. — Даже если мы больше не увидимся, просто... не забывай меня, брат Хуайшэн. Мне этого хватит.

— Разве я хоть раз тебя обманул? — Хуайшэн серьезно посмотрел ему в глаза. — Если я сказал, что приду, значит, приду.

И в его голосе не было фальши. Это было не просто утешение, но твердая, нерушимая клятва.

Цзыянь вскинул голову. В нем вспыхнула робкая надежда.

— Брат Хуайшэн... Ты правда обещаешь? Мы... мы встретимся снова?

— Обещаю. Так что утри слезы.

Юноша судорожно закивал, но продолжал упрямо плакать.

— Ну надо же, — беззлобно усмехнулся Хуайшэн, продолжая вытирать его щеки платком. — И когда только утонченный наследник Ань превратился в такого плаксу?

— Я не... я не плачу от горя, — шмыгнув носом, возразил Цзыянь. — Это от радости!

Как ему было не радоваться? Человек, которого он тайно и безответно любил уже так давно, обещал отыскать его.

— Да ну? — притворился удивленным Хуайшэн. — А я-то подумал, что ты так испугался нашей будущей встречи, что аж разрыдался.

— Вовсе нет! Брат Хуайшэн, вечно ты надо мной смеешься! — смутившись, Цзыянь выхватил у него платок, сам вытер лицо, шумно вздохнул и уткнулся в свою тарелку.

Хуайшэн лишь тихо покачал головой и с теплой улыбкой вернулся к еде.

Обычно за столом они сидели молча, но в этот раз беседа не умолкала. Зная, что завтра наступит разлука, они дорожили каждой секундой, проведенной вместе. Прощальный обед растянулся почти на два часа.

Закончив с трапезой, они принялись вместе убирать со стола. За последние полгода Хуайшэн неплохо освоил нехитрый домашний быт: он научился мыть посуду и подметать пол, навсегда позабыв о привычках избалованного барчука, не привыкшего марать руки работой.

Вымыв посуду, Цзыянь затеял генеральную уборку. Он вознамерился вычистить весь двор и каждый уголок Павильона Хранящего Облака. Сколько бы Хуайшэн ни уговаривал его отдохнуть, юноша упрямо качал головой и продолжал тереть полы. Делать было нечего — Хуайшэн вооружился веником и метелкой из перьев и принялся ему помогать.

Время пролетело незаметно. Закончив с уборкой, Цзыянь уселся на качели во дворе. Хуайшэн встал позади и принялся осторожно раскачивать его, боясь толкнуть слишком сильно, чтобы хрупкий юноша не упал. Оба молчали, оберегая хрупкую тишину уходящего дня. Цзыянь прикрыл глаза, мечтая лишь об одном — чтобы время остановилось. Тогда бы он мог остаться здесь, рядом с Хуайшэном, навсегда. Когда же его чувства стали настолько глубокими? Он и сам не заметил, как этот человек занял все его мысли без остатка.

Стояла зима, и вдруг с серого неба повалили крупные хлопья снега. Заметив это, Хуайшэн поспешил в дом и вынес теплую лисью шубу, бережно накинув ее на плечи Цзыяня. Вдобавок он прихватил пушистую кроличью шапку. Пусть она и уступала лисьему меху в роскоши, зато отлично защищала от холода. К счастью, за последние месяцы здоровье юноши заметно окрепло, и он больше не слегал в постель от каждого порыва ледяного ветра.

Они вернулись в дом, лишь когда сумерки окончательно сгустились над горой Небесного Духа. Хуайшэн приготовил скромный ужин. Насытившись, утомленный Цзыянь сразу же лег спать, а Хуайшэн, дождавшись назначенного часа, отправился к своему учителю, Истинному владыке Сюаньцину.